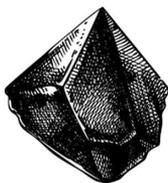

— Помни, это не игра.
Тут нет понятия победы,
только выживание. Любой
ценой, любым способом.
Бейся как в последний раз.

АЛЕКСАНДР
ТИТОВ

ДАРЫ
МАГОТВОРЦЕВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т45

Титов, Александр Сергеевич.

Т45 Дары маговорцев / Александр Титов. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-600-04327-5

Дилан просто хотел увидеть гордость в отцовском взгляде. Ради этого он готов вступить в ряды гвардейцев и с достоинством служить своему королю. Он просто хотел спокойной и честной жизни. Он хотел этого больше всего на свете, когда бежал от городской стражи.

Принцесса Лана так хотела, чтобы все прошло как в сказке. Чтобы в нужное время и в нужном месте отец передал ее руку под венцом тому самому заветному. Она так хотела жить с ним долго и счастливо, в болезни и в здравии, в богатстве и в бедности, до конца своих дней. Она хотела этого больше всего на свете, когда уходила от своего принца с разбитым сердцем.

А Эйден больше всего хотел корону и мир у своих ног. И ради этого он готов был отправиться на край света.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Текст, А. Титов, 2024
© Художественное оформление,
В. Кухарский, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-600-04327-5

Глава 1

КОРМЕУМ

Цветы на могиле успели завянуть.

— Прости, что не приходил так долго, — произнёс Дилан. Он аккуратно подобрал засохшие лепестки барвинка и поменял их на свежую охапку анафалиса. Затем присел на опавшую с ивы листву и продолжил. — Отец вчера снова занимался со мной стрельбой из лука. В этот раз старине Кёртису повезло чуть больше, чем неделю назад, — усмехнулся юноша, — я попал в его тыквы всего парочку раз. Остальные стрелы каким-то чудом угодили в мишень.

По правде говоря, стрелять у Дилана получалось хорошо. После того как отец подарил ему на десятый день рождения тисовый лук, он упражнялся каждый второй день Рэма на протяжении трёх лет.

Дилан помнил, какое счастье испытал, когда выпустил свою первую стрелу, и помнил, как долго заживали раны от кнута старика Кёртиса. Надо же было иметь глупость попасть в стоящую в пяти шагах от мишени курицу, да ещё и сделать это на глазах у безумного соседа... Тот потом долго бегал за мальчишкой по двору, а Абнар стоял и смеялся. Смеялся до тех пор, пока безумец не догнал его сына.

После ужасного вводного урока желание стрелять у Дилана резко пропало, однако отец настаивал на дальнейших занятиях мальчика, потому что рано или поздно тому придётся в одиночку выходить на охоту.

Больше всего Абнар хотел, чтобы Дилан попал на службу к градоуправителю. И не имело значения, кем именно он там бу-

дет. Хоть пажом, хоть оруженосцем — не важно. Главное, чтобы он не стал никому не нужным кузнецом или пахарем, чей труд, по его мнению, давно перестали чтить в народе, а с честью и достоинством защищал свой город.

Абнар надеялся, что люди будут уважать и любить его сына. Он желал Дилану жизни, в которой не будет места бедности и страданиям, постигшим его самого.

Каждое новое занятие проходило лучше предыдущего. Абнар учил сына правильно стоять, держать лук, устанавливать стрелу, натягивать тетиву и прицеливаться. Показывал, как выбирать прут для лука, определять его края и рукоять, придавать ему форму, находить подходящий материал для тетивы. Учил делать стрелы, наконечники и оперение.

Поначалу Дилан опасался опять промахнуться и выстрелить во двор к Кёртису или, что ещё хуже, попасть в самого старика. С каждой выпущенной стрелой его уверенность в себе становилась всё сильнее, и уже через пару занятий он попадал точно в мишень.

Лишь изредка и как бы случайно стрелы залетали во двор к соседу. Уж слишком сильно мальчишка желал позлить Кёртиса. Но тот больше не трогал Дилана. Он знал, что теперь паренёк способен оставить ему дыру в черепе.

— Вчера я навещал Раймунда. В последнее время ему нездоровится, — посетовал Дилан. — Он рассказывал мне, какие удивительные вещи творятся за пределами Кормеума. По его словам, далеко в горах обитают драконы. Ты тоже знала об их существовании? Увидеть бы их однажды... Живых. Настоящих.

А про подземные города слышала? Оказывается, проживающие там существа, тощие и бледные, питаются человечиною. Раймунд говорит, что тот, кто к ним попадёт, уже не вернётся. Он знает много разных историй. Особенно мне нравится слушать его рассказы про маготворцев. К сожалению, эти сказки слишком хороши, чтобы быть правдой. А ты как считаешь? — в глазах у Дилана вдруг зашипало. — Мне не хватает тебя, мам, — и на лежащие под ногами листья сначала упала одна капля, затем вторая, третья. Казалось, что растущая рядом ива плакала вместе с ним, медленно сбрасывая один листок за другим.

Дилану не исполнилось и двух лет, когда Мортем забрал его мать в своё царство. Она болела долго и тяжело и в конце концов покинула мужа с маленьким сыном.

Мальчик унаследовал материнские голубые глаза. В них Абнару всегда виделось отражение его любимой Арианы, поэтому смотреть в глаза сыну было невыносимо.

Скорбь по утраченной любви тяготила его, воспоминания о жене терзали душу. Чтобы хоть как-то облегчить себе эту ношу, Абнар решил избавиться от всех вещей покинувшей его супруги. Сохранился лишь камень лазурного цвета идеальной овальной формы с выбитыми на нём едва различимыми знаками. Ариана называла его семейной реликвией и велела мужу беречь драгоценность от посторонних глаз.

Абнар всегда запрещал Дилану трогать камень, но мальчика это никогда не останавливало, ведь это был единственный предмет, оставшийся после смерти матери.

При виде камня у Дилана возникало неутолимое желание взять его, спрятать и никому не отдавать. Он был тёплым на ощупь и согревал не только его руки, но и что-то находящееся глубоко в душе. В детстве, когда Дилан брал камень, он больше не чувствовал себя одиноким. Ему казалось, что мама снова рядом с ним.

Порою с Диланом случались странные вещи, когда камень лежал у него в руке: то капли дождя падали снизу вверх, то течение воды в реке меняло направление... Он не обращал на это внимания и, ссылаясь на усталость, считал, что ему померещилось.

Успокоившись и перестав плакать, Дилан вытер слёзы о рукав туники. Затем он встал на ноги и стряхнул с себя листья.

— Прости, — с грустью произнес Дилан, — мне надо идти. Отец будет ругаться, если узнает, что я снова сбежал из города без разрешения. Обещаю, что скоро вернусь.

Выходить за стены Кормеума без согласия градоуправителя — Гранвилла III Свирепого — всем жителям строго запрещалось. Если кто-либо по каким-то причинам хотел покинуть город, будь то охота, например, или торговля в близлежащих королевствах, он должен был поставить градоуправителя в известность. Тот, в свою очередь, принимал окончательное решение: давать

разрешение на выход или отказать. И даже если кому-то посчастливилось получить такое разрешение, везунчику полагалось заплатить за эту услугу налог.

Так, если некто собирался поохотиться на зайцев и ему удавалось покинуть Кормеум, то в случае успешной охоты он обязывался отдать городу две трети добычи. Если год выдался урожайным, и он решил продать часть своего урожая в соседнее королевство, тогда от полученной прибыли ему доставалась четверть, остальное же уходило в казну градоуправителя.

За любое малейшее нарушение установленного порядка провинившихся жестоко наказывали. Выход из города без разрешения мог закончиться для нарушителя отрубанием ноги, охота без спроса — отсечением руки, нелегальная торговля — десятью ударами плетью, неуплата налогов — виселицей, а ложь о прибыли — лишением языка.

В общем, жизнь в Кормеуме вдоволь позволяла «повеселиться» и никому не давала заскучать. Поэтому редко кто из жителей вообще имел желание попасть за пределы города. Они считали, что раз внутри живётся несладко, то не стоит рисковать своим здоровьем или даже жизнью с целью выбраться наружу ради наживы. Предпочитали ничего не менять, не бунтовать, а оставить всё как есть. При этом не считали лишним всякий раз при разговоре неоднократно упоминать, как же у них всё плохо. А там уже смирялись как-нибудь с местными удобствами, и земли им тогда сразу казались широкими, и поля плодovitыми, и реки глубокими. Всяко лучше смерти или пожизненных преследований со стороны рыцарей Гранвилла.

Дилан конечно же знал, что понесёт суровое наказание, узнай градоуправитель о его нарушениях. Но молодость зачастую не презревает всех последствий своих поступков.

Дилану, сыну простого кузнеца и слишком незначительному элементу общества, было неизвестно, каково это — управлять целым городом или принимать решения, которые могут повлиять на чужие жизни. Многие из законов Кормеума казались ему абсурдными, а чего-то он и вовсе не мог понять. Юноша считал, что требование отдавать бóльшую часть урожая в городские закрома и заставлять потом крестьян сидеть остаток сезона старости го-

лодными — полнейшая глупость. А то, что простым подданным разрешалось иметь лишь одного ребёнка в семье, он принимал за вопиющую несправедливость.

Градоуправитель объяснял своё решение тем, что нищий люд слишком много потребляет и мало даёт. А если увеличивалось количество ртов, росло и потребление.

Пока Дилан размышлял обо всех прелестях жизни простого народа, он не заметил, как тропинка вывела его из ивняка к небольшой поляне. Как раз к той самой, где он пару недель назад поставил силки, чтобы поймать птицу или некрупное животное. К его большому сожалению, ловушка осталась нетронутой.

«Ладно, в другой раз повезёт», — подумал Дилан и отправился дальше.

Оставшийся путь пролегал через густую дубраву по еле заметной тропинке. Там необходимо было быть очень внимательным и никуда с неё не сходить, иначе пришлось бы ещё долго бродить кругами в её поисках.

В лесу сегодня царили спокойствие и тишина, да только они иногда бывают обманчивыми. Дилан прекрасно понимал: в этом лесу тебя на каждом шагу подстерегает смертельная опасность.

Больше всего люди боялись встретить здесь гримов — гигантских чёрных собак, глаза которых наполнены кровью. Считалось, что услышать их вой значит в скором времени потерять близкого человека.

Опасаться следовало и встречи с акри — небольшими зверьками бурого цвета с зелёными полосками на спине, высотой в пару локтей, с длинными острыми когтями и мелкими, не менее острыми, зубами. Их за несколько лиг привлекал запах человеческой крови. Акри никогда не нападали поодиночке. Они-то как раз и подкрадывались незаметно, особенно когда чуяли добычу.

Стоило потерять бдительность, и последнее, что человек увидел бы в этой жизни, — два крохотных зелёных глаза в момент смыкания на его шее акриных зубов.

Кости несчастных, набредших на акри, часто попадались по дороге.

Пройдя около половины лиги, Дилан услышал шум реки.

«Почти пришёл», — подумал он и ускорил шаг.

Спустя несколько минут лес стал реже, а вдали уже виднелась река, которая вела напрямик к стенам города. Оставалось лишь идти вдоль неё.

Увидев впереди массивную каменную стену, Дилан свернул направо в сторону густых кустарников. Последующий путь рядом с рекой нёс большую опасность для покинувшего Кормеум без разрешения. Его могли заметить стражники.

Быстро перебежав через кусты и высокую траву, Дилан оказался у рва с водой. Он взял длинную доску, перекинул её через ров и осторожно перебрался на другую его сторону. Спрятав доску, Дилан сел на землю, упёрся сапогами в два крупных нижних камня и, проталкивая их ногами вперёд, прополз через образовавшийся проход. Затем вернул камни на место — и вот он уже стоял в городе. Как будто и не выходил.

Кормеум хоть и не являлся эталоном проживания для сотен тысяч жителей, имел довольно интересную структуру. Город окружала высокая каменная стена с десятью сторожевыми башнями, расположенными примерно на одинаковом расстоянии друг от друга.

Попасть в него представлялось возможным только через один-единственный вход — Парадные Врата. Официально, конечно. Вокруг стены был вырыт ров, в который втекала река Сангуиз. Из рва вытекали пять небольших потоков воды, делящих Кормеум на пять участков различной площади и объединяющихся в кольцо, внутри которого находилось сердце города. Вокруг кольца также была возведена каменная стена, имеющая пять сторожевых башен рядом с мостами, ведущими в центр Кормеума с каждого участка.

В центре города высился замок градоуправителя, именуемый Синей стрелой, с башнями для многочисленных советников, залами для пиршеств, для приёма подданных и для суда. Под замком располагались темницы для осуждённых и провинившихся.

Вокруг Синей стрелы стояли три храма. В храм Мортема — Бога смерти — горожане приходили помолиться за души ушедших из жизни и тех, кто к этому близился. В храме Виты — Богини жизни — просили о рождении детей, хорошем урожае, плодovitости скота. А в храме Рэма — Бога настоящего — жители

каялись в грехах, молились об избавлении от насущных проблем, своих и чужих, и о том, чтобы в мире не было ни войн, ни скорби, ни печали.

Между храмами Мортема и Виты цвёл Белый сад, больше известный жителям как Сад страданий. Бывавшие в нём говорили, что не видели ничего прекраснее на свете, чем растущие там цветы и деревья. Правда это или ложь, Дилан не знал.

Самый маленький из пяти участков Кормеума занимал Торгажник — точка города, где находились Торговая площадь с рынками, эшафот, трактиры, пабы, пекарня, кузница, бордель и различные мастерские. Это было центральным местом массовых развлечений, преступлений и скорейших наказаний.

Участок, называемый Рыцарским Пристанищем, в несколько раз превосходил размерами Торгажник. Это место, где проживали и упражнялись рыцари, оруженосцы, лучники, пажы, пешие и конные воины. Знатные и богатые рыцари селились там в небольших замках, остальные — в скромных поместьях. Лучники и воины жили в казармах, а пажам и оруженосцам разрешалось ютиться у рыцарей.

Пристанище содержалось в основном за счёт простых горожан, отдающих половину собранного урожая, две трети добытого на охоте и три четверти полученной за торговлю прибыли. Правда, у него имелись и свои скотные дворы, места для огородов и злаковые поля. Помимо жилых и хозяйственных построек, на этом участке были отведены места для проведения турниров, ристалища, стрельбища и конюшни.

Незначительное превосходство в площади над Рыцарским Пристанищем имел третий участок, в котором обитали состоятельные горожане. Он же Остров Особ. Остров настроенных друг на друга домов. Переселяться в другие места проживающие в них особы считали ниже своего достоинства. Оттого люди там постоянно плодились, а толку от них, на взгляд Дилана, никакого не было.

Оставшиеся два участка — самые крупные — были равными по площади и носили говорящие названия: Вшивник и Тараканник. Всё просто. Там проживала остальная часть населения Кормеума: «вши» и «тараканы», а также все ставшие неугодными

властям жители с других участков. По мнению градоуправителя, бич современного общества, приносящий в город болезни, портящий имущество и воруящий еду. Вредители, от которых непременно нужно избавляться. На то, что именно эти ненужные «насекомые» кормили город, обустроивали его и прислуживали тем, кто был выше их по положению, даже внимания не обращалось.

Неважно, на каком из этих двух участков доводилось жить простолюдину. В любом случае он либо вошь, либо таракан для правителя, а может, сразу и то и другое. Этакая тараканья вошь.

Попав через тайный проход в Кормеум, Дилан оказался во Вшивнике, родном для себя месте. Прежде чем идти домой юноша решил навестить Раймунда, одинокого старика, жившего на окраине участка, вдали ото всех.

Пройдя вдоль многочисленных дворов, в паре хижин от дома Раймунда, Дилан услышал знакомые голоса, залиvistый смех и чью-то жалобную мольбу.

— Помогите, кто-нибудь! — звал этот всхлипывающий голос.

Будучи по своей природе храбрым парнем, Дилан не мог пройти мимо и отправился напрямик в сторону голосов и криков. К тому же он знал наверняка, кто там находился и кто в очередной раз стал жертвой местной шайки.

Олден, Торнтон и Делисия — гроза маленьких и незащищенных детей. Самой младшей и единственной из этой банды оболтусов девчонкой была одиннадцатилетняя Делисия, дочь хозяйна конюшни и прислуги в одной из таверн в Кормеуме. Кареглазая девчушка с растрёпанными короткими чёрными волосами и родинкой под правым глазом. Её голубенькое платьице было по всей длине усыпано дырками и мелкими заплатками. В некоторых местах на нём ещё не успела засохнуть грязь, в некоторых виднелись серо-чёрные следы золы и желтоватые пятна от травы.

Несмотря на миловидное личико, Делисия вела себя грубо и невоспитанно. Это тот самый ребёнок, родители которого всегда уверены, что он лучший на свете и ни в чём не виноват, если им вдруг пожалуются на него. И за это Дилан её ещё больше не любил. К несчастью для него, ему приходилось терпеть все её

выходки, чтобы отец Делисии и дальше разрешал брать лошадей для тренировок в верховой езде.

Торнтону же, которого друзья называли «ласково» Толстон, едва стукнуло двенадцать. Он родился в семье кухарки Синеи стрелы, поэтому едой был не обделён. Мало того, что женщина для любимого сына чуть ли не всё своё свободное время стряпала и стирала, так она ещё и частенько приносила ему остатки с барского стола. Либо кормила его прямо в замке, приводя туда сына с собой в качестве помощника. При небольшом росте он весил как взрослый мужчина. При этом на фоне своих товарищей Торнтон всегда выглядел опрятным. Уж кто-кто, а мать его умела следить за чистотой и аккуратностью своего чада.

Самый старший из троицы, Олден, был сыном командующего стражей Синеи стрелы. Не имея друзей на Острове Особ, он сумел найти их среди детей более низкого положения и не стыдился общения с ними. Ростом Олден немного превосходил Дилана. У него были красивые светлые волосы, доходившие ему до плеч, и серые, как тучи, глаза. Они постоянно выражали тоску и грусть, скрывааемые за дерзким характером.

Олдена боялись все местные дети, над которыми он любил издеваться. Не боялся его только Дилан, что нередко выводило Олдена из себя. Несмотря на внешнюю непохожесть и различия в образе жизни, у них было немало общего. Только они предпочитали не замечать этого.

— Держи его, Олден. Этот гадёныш сейчас вырвется, — сказал Торнтон.

— Посмотрите на него, — начала Делисия. — Несчастный пекарёнок нюни распустил. Того и гляди сейчас мамочку на помощь позовёт, — все залились хохотом. Не смеялся только Зандер, сынишка пекарей.

— Оставьте его! — сказал Дилан, слегка повысив голос. — Он не сделал вам ничего плохого.

Олден отвлёкся от своей жертвы и поднял голову. Он увидел стоящего в нескольких шагах от себя противного сына кузнеца и ответил ему:

— Разве? Мальчишка имел наглость назвать Толстона толстым. Он оскорбил моего друга.

— Неправда! Они врут, я ничего такого не говорил, — залился слезами Зандер. — Я просто играл здесь, пока они не пришли.

Рядом с Делисией лежала грудa камней, которая, вероятно, несколько минут назад представляла собой замок со рвом из грязи вокруг. Теперь это было ничем иным как растоптанной грязной кучей.

— Я вижу, безнаказанность тебе доставляет удовольствие. Удивлён, что всех тех, над кем вы постоянно издеваетесь, твой отец ещё не запер в темнице. Они ведь такие негодяи, — съехидничал Дилан. — Не боишься, что заразишься чесоткой от ребёнка со Вшивника? Ах, забыл, тебе ведь не привыкать к ним, — закончил юноша, демонстративно переводя взгляд поочерёдно с одного товарища Олдена на другого.

— Заткнись лучше и вали отсюда, пока и тебе не надавали, — сказала Делисия.

— Мне? Хорошо. Давай первая, раз такая смелая, — выпалил Дилан, засучив рукава.

Торнтон вырвался вперёд, но Олден правой рукой оттащил его за тунику.

— Не надо, Толстон. Пусть забирает мальчишку с собой, — сказал Олден и высвободил из-под левой руки пекарёнка.

Зандер ринулся вперёд, но получил сзади сильный пинок и упал лицом в грязь прямо под ноги Дилану.

Троица загоготала, а Дилан опустилсЯ на колени, приподнял Зандера и вытер ему лицо своим рукавом.

— Ступай отсюда, — тихо сказал Дилан. — И не бойся дать сдачи этим глупцам в следующий раз, если пристанут. Тебе может не поздоровиться, зато потом они не станут тебя трогать. Зачем лезть к собаке, которая кусается, верно?

Мальчик улыбнулся и кивнул.

Они встали на ноги. Зандер поблагодарил Дилана и побежал прочь. Дилан бросил презрительный взгляд в сторону мерзкой шайки, на который ему любезно ответили взаимностью. Увидев, как Зандер успешно скрылся за дворами, он отвернулся от троицы и пошёл в том направлении, в котором двигался изначально.

Сделал шаг, потом второй, как вдруг ему в голову ударило что-то мокрое и вязкое, разлетевшееся после столкновения во все стороны.

Куски грязи перекатывались с волос на плечи, расползались по жилету и затем спадали на землю. Позади громом раздался хохот Олдена и его приспешников.

Заливаясь смехом, Делисия обратилась к стоящему к ним спиной испачканному с ног до головы Дилану:

— Расслабься, дружок, вы же с папашей всё равно давно принаровились купаться в грязи.

— Зря ты так, Дели.

— Да ладно, Торнтон, не жалея его. Именно там им и место. Жить в грязи, есть грязь, быть грязью, — выстрелил Олден, попав в самое сердце сына кузнеца.

Потеряв контроль над собой, задвинув куда поглубже понятия о правилах, разнице в положении и порядках, Дилан повернулся к своим обидчикам. Его глаза полыхали от ярости, а кулаки с нетерпением ожидали скорой мести. По телу била дрожь. Не в состоянии больше сдерживать себя, он бросился на Олдена, повалил его ничком на землю и начал наносить удары один за другим.

Испугавшись, Делисия закричала.

Торнтон опешил. Придя в себя, он схватил Дилана за плечи и оттянул от Олдена, который судорожно прикрывал руками лицо. Зная, что в возникшей ситуации Дилан виноват меньше всего, Торнтон тем не менее не мог не заступиться за своего друга. Он хотел было наброситься на Дилана, но его остановил прилетевший в грудь из неизвестного направления камень.

— А ну пошли вон отсюда, негодники!

Не имея цели попасть в кого-либо снова, появившийся из ниоткуда старик угрожающе поднял ещё один камень. Заметив это и осознав новую опасность, Делисия со скулящим от боли Торнтоном схватила под руки Олдена и потащила его за ближайшую хижину.

— Тебе это с рук не сойдёт, жалкая вошь, — прохрипел залитый кровью Олден, утаскиваемый друзьями.

— Только трусы нападают со спины, — бросил ему в ответ Раймунд. — Ты в порядке, Дилан?

— Да, спасибо. Всё могло быть гораздо хуже, если бы вы не появились.